

Призрачное пламя замерло в трех дюймах от лица Сюй Синчжи.

Холод, исходивший от него, пробирал до костей, хотя само пламя не обжигало — однако от этого ледящего дыхания на коже Сюй Синчжи мгновенно проступил иней.

Чтобы сохранить образ прежнего Сюй Синчжи, который он и так изрядно подпортил, Сюй Синчжи заставил себя не закрывать глаза, наблюдая, как его ресницы покрываются белой изморозью.

По мере того как горел призрачный огонь, уверенность Чжоу Бэйнаня начала таять.

По логике, настоящий Воскресший Мертвец должен был принять этот холодный огонь за раскаленное пламя и инстинктивно отпрянуть в страхе.

Он с недоверием уставился на Сюй Синчжи:

— Как это возможно? Ты что, не Воскресший Мертвец?

Сюй Синчжи промолчал.

Он заложил руки за спину и с максимально загадочным, хотя и крайне неуверенным видом смотрел на Чжоу Бэйнаня.

Чжоу Бэйнань взмахнул рукой, и призрачное пламя рассыпалось мириадами синих светлячков.

Однако сомнения на его лице не рассеялись. Он обратился к Мэн Чунгуану:

— Доставай его магический артефакт. Я сражусь с ним, и тогда станет ясно, настоящий он или подделка.

Сюй Синчжи был вынужден напомнить:

— Сейчас я всего лишь смертный.

Чжоу Бэйнань, разумеется, не поверил:

— Ты хочешь сказать, что у тебя вырвали корень духа?

Сюй Синчжи не стал ни подтверждать, ни опровергать.

Чжоу Бэйнань усмехнулся:

— Невозможно. Насколько мне известно, ни один заклинатель, лишившийся корня духа, не выжил.

Сюй Синчжи ответил:

— Это лишь то, что известно тебе.

Чжоу Бэйнань не стал больше тратить слов и потянулся, чтобы схватить его за руку.

Однако прежде чем Чжоу Бэйнань успел дотронуться до него, Мэн Чунгуан перехватил запястье Сюй Синчжи и крепко сжал его.

Сила была так велика, что Сюй Синчжи едва не пошатнулся.

Мэн Чунгуан заслонил его собой, и в его голосе зазвенел пугающий холод:

— Если бы он был Воскресшим Мертвецом и осмелился воспользоваться лицом старшего брата, я бы придушил его еще при первой встрече.

Сюй Синчжи:

— ...

Он потер затылок, обдуваемый холодным ветром, и подумал: кто вообще воспитал этого ребенка? Совершенно невоспитанный.

Он по доброте душевной принес его домой, а тот вознамерился его придушить.

Впрочем, вспомнив о цели своего визита, Сюй Синчжи решил прикусить язык.

В конце концов, он сам не ангел — нечего вороне на свинью пенять.

Мэн Чунгуан помолчал, а затем добавил:

— Старший брат действительно лишился магических сил. По дороге сюда я проверял: его духовные каналы давно заблокированы, и никакой духовной энергии в них нет.

Сказав это, он повернул голову, и его голос в одно мгновение стал мягким:

— Старший брат, это ведь так?

Если бы не нужно было играть роль старшего брата, который когда-то сильно насолил этому парню, если бы он не знал, что перед ним кровожадный Небесный Демон, и если бы сам он не пришел сюда, чтобы убить его, Сюй Синчжи счел бы этого ребенка довольно милым.

Сюй Синчжи подавил импульс потрепать его по голове и отвернулся.

Мэн Чунгуан почувствовал отчуждение, его взгляд потускнел, и он стал похож на щенка, которому хозяин отказал в ласке.

Чжоу Бэйнань, казалось, немного поверил, но сомнения остались:

— Ты уверен, что это не кто-то другой, принявший его облик?

Костяная дева не выдержала:

— Брат Чжоу...

Чжоу Бэйнань задумался на мгновение, вскинул брови и, видимо, нашел отличный способ проверки.

Сюй Синчжи заметил перемену в его выражении лица и собрался с духом, готовясь к новому испытанию.

Чжоу Бэйнань произнес:

— С самого детства ты придумал для меня больше десятка прозвищ. Назови хотя бы три, и я поверю, что ты — Сюй Синчжи.

Сюй Синчжи:

— ...

Придумывать прозвища, да еще и десяток с лишним...

Сюй Синчжи подумал, что прежний владелец тела, похоже, был не таким уж серьезным старшим братом.

Однако, покопавшись в обрывках памяти, он понял, что прежний Сюй Синчжи действительно занимался подобной ерундой.

В мире праведников было четыре священные горы. Сюй Синчжи и Мэн Чунгуан были учениками горы Фэнлин, Чжоу Бэйнань — сыном владыки острова Интяньчуань, а две другие горы — пик Даньян и долина Цинлян.

Память была крайне фрагментарной, но из разрозненных моментов Сюй Синчжи понял: стоило им встретиться, как они тут же начинали препираться и драться. Отношения у них были отвратительные, поэтому Сюй Синчжи и придумал ему кучу прозвищ, чтобы подчеркнуть особое место Чжоу Бэйнаня в своей жизни.

Сюй Синчжи помедлил, выудил из памяти первое, что попало:

— Бэй-Бэй.

Чжоу Бэйнань:

— ...

Сюй Синчжи:

— Тыква.

Чжоу Бэйнань:

— ...

Сюй Синчжи:

— Ах, да, еще А-Мэнь.

Чжоу Бэйнань не выдержал:

— Замолчи!

Девушка с двумя клинками прыснула со смеху.

Чжоу Бэйнань, не выдержав такого позора, обернулся и прикрикнул:

— Чего смеешься? Что здесь смешного?

Девушка ничуть не испугалась:

— Дядюшка, первые два я понимаю, но что значит А-Мэнь?

Сюй Синчжи выглянул из-за спины Мэн Чунгуана и добродушно пояснил:

— Потому что в детстве он был толстячком. Если разобрать иероглифы в имени Чжоу Бэйнань, там есть части, напоминающие ворота, землю и рот. Это прозвище слишком сложно выговорить, вот я и сократил его до А-Мэнь.

Чжоу Бэйнань покраснел до корней волос и швырнул на землю остаток копья:

— Сюй Синчжи, ты что, нарываешься на драку?

Сюй Синчжи бесстыдно спрятался за спину Мэн Чунгуана и притворился мертвым.

В этот момент издалека донеслась тень.

Это был тот самый юноша в маске, который стоял на краю обрыва.

Сюй Синчжи не успел среагировать, как юноша врезался прямо в него, и в его голосе слышались слезы:

— Старший брат Сюй!

Юноша был невысокого роста, едва доходил Сюй Синчжи до подбородка. Нижняя часть лица, не скрытая маской, была тонкой и чистой, на первый взгляд его можно было принять за ребенка.

Сюй Синчжи опешил от объятий, но, решив придерживаться тактики притворства, погладил его по волосам:

— Да, это я.

Юноша поднял голову. Его глаза, скрытые маской, были бледно-зелеными, круглыми, как у лисенка:

— Старший брат Сюй, тринадцать лет прошло, где же вы были?

Сюй Синчжи горько усмехнулся.

Подожди, дай мне что-нибудь сочинить.

Но не успел он придумать оправдание, как Чжоу Бэйнань оттащил юношу от него.

Неизвестно, показалось ли Сюй Синчжи, но лицо Чжоу Бэйняна стало еще мрачнее, чем прежде. Он указал на сломанное копье, которое Мэн Чунгуан переломил ранее, и холодно бросил юноше:

— Почини.

Юноша в маске заартачился:

— Старший брат еще здесь, я должен сначала расспросить его...

Чжоу Бэйнань бросил косой взгляд на Мэн Чунгуана и потащил юношу прочь:

— Сейчас не время с ним разговаривать.

Юноша, кажется, понял намек и послушно замолчал.

Мэн Чунгуан, не удостоив остальных вниманием, крепко сжал запястье Сюй Синчжи и повел его напрямик в высокую башню.

Сюй Синчжи попытался вырваться, но сил не хватило, и его потащили внутрь, словно на привязи.

На ходу Сюй Синчжи обернулся и заметил, что Костяная дева, лечившая ожоги Мэн Чунгуана, пристально смотрит на него.

Встретившись с ним взглядом, она испуганно опустила голову и поспешила прочь.

Ее длинная лента в волосах цвета морской волны развевалась при ходьбе, словно волны.

Как только они вошли в башню, девушка с двумя клинками подошла к юноше в маске и с любопытством спросила:

— Брат Лу, это и есть тот самый старший брат Сюй, о котором вы постоянно говорите?

Юноша в маске вертел в руках сломанное копье, сияя от радости:

— Именно он.

Девушка почесала свои короткие, неровно подстриженные волосы:

— А мне он показался каким-то легкомысленным.

Юноша возразил:

— Хотя старший брат Сюй ведет себя порой безрассудно, он — лучший человек в этом мире.

Чжоу Бэйнань закатил глаза:

— Ха.

Юноша повернулся к Чжоу Бэйнаню с упреком:

— Чего смеешься? Еще и смеешься! Ты знаешь, сколько жизненной энергии уходит на починку призрачного оружия? Можно бережнее с ним обращаться?

Чжоу Бэйнань:

— Ладно, ладно.

Затем он повернулся к девушке:

— А-Ван, где Цюй Чи и Тао Сянь?

Чжоу Ван ответила:

— Говорят, на южных горах нашли духовные камни, они отправились на поиски, вернутся к полуночи.

Чжоу Бэйнань немного подумал, подтянул Чжоу Ван к себе и серьезно сказал:

— Поможешь дяде в одном деле?

Чжоу Ван наклонилась к нему, и Чжоу Бэйнань начал что-то шептать ей на ухо.

Юноша в маске внезапно поднял голову:

— Чжоу Бэйнань, ты все еще подозреваешь старшего брата Сюя?

Чжоу Бэйнань:

— Я разговариваю с А-Ван, зачем ты подслушиваешь?

Юноша возмутился:

— Ты мой призрачный слуга, твои глаза — мои глаза, твои уши — мои уши. Ты думаешь, я сам хотел это слушать?

Чжоу Бэйнань, не найдя что ответить, прямо заявил:

— Тринадцать лет прошло, и он вдруг появляется. Я не верю, что у него нет скрытых целей. Не забывай, Цзючжи Дэн все эти годы жаждал нас уничтожить!

Он посмотрел на бронзовые ворота башни и холодно добавил:

— Особенно Мэн Чунгуан. Он выжил в Диких Землях целых тринадцать лет — боюсь, он давно стал для того человека костью в горле!

Внутри башни, в отличие от пустынной разрухи снаружи, всё было устроено изящно и уютно. Даже ручей извивался среди камней и настенных росписей, окутанный легкой дымкой.

Сюй Синчжи почувствовал себя так, будто попал в сказочную обитель, а сам он — незваный рыбак.

Мэн Чунгуан взмахнул рукой, и бамбуковая дверь отворилась.

Он ввел Сюй Синчжи в комнату, где была вся необходимая мебель, украшенная жемчугом и шелками.

Мэн Чунгуан тихо сказал:

— Старший брат, это твоя комната. Я давно ее подготовил. Все вещи расставил как раньше, но некоторых предметов в Диких Землях не достать, не сердись, я со временем всё добуду.

Сюй Синчжи притворился холодным:

— Мгм.

Мэн Чунгуан усадил его на кровать, в его глазах вспыхнул странный огонек:

— Старший брат, ты только что погладил Лу Юйцзю, погладь теперь и мои волосы, хорошо?

Отлично, юношу в маске зовут Лу Юйцзю, в следующий раз не придется мучиться с именами.

Сюй Синчжи подумал об этом, не глядя на Мэн Чунгуана и не отвечая на вопрос, а просто

осматриваясь.

Взгляд упал на изящный складной веер с бамбуковыми спицами у изголовья.

Сюй Синчжи взял его левой рукой и медленно раскрыл.

На веере размашистым почерком было выведено восемь иероглифов: «В этом мире, кто, кроме меня?»

Подпись: «Первый в Небесном рейтинге, Сюй Синчжи с горы Фэнлин».

Сюй Синчжи:

— ...

Мэн Чунгуан, которого проигнорировали, снова подошел:

— Старший брат, я берег твой артефакт. Тебе нравится?

Сюй Синчжи:

— ...

Он решил, что вкус прежнего владельца — это сплошная загадка.

Сюй Синчжи хотел положить веер на место, но как только его рука коснулась постели, из подножия кровати, словно молния, вырвалась лиана и намертво обхватила его левое запястье.

Сюй Синчжи опешил:

— Что это?

Мэн Чунгуан радостно произнес:

— Старший брат, ты наконец-то заговорил со мной.

Сюй Синчжи:

— Хорошо, я говорю с тобой, убери эту штуку.

Но лиана толщиной в руку не собиралась отпускать его.

Мэн Чунгуан с надеждой спросил:

— Когда ты нес меня домой, ты сказал, что пришел в Дикие Земли, чтобы найти меня. Я здесь, не уходи больше никуда, хорошо?

Сюй Синчжи:

— ...

Видя, что Сюй Синчжи молчит, Мэн Чунгуан не смог скрыть разочарования, поднялся и сказал:

— Если старший брат действительно не хочет со мной разговаривать, я подожду.

Сюй Синчжи, видя, что тот собирается уйти, поспешно крикнул:

— Отпусти меня!

Мэн Чунгуан у дверей вздрогнул, обернулся, и в его глазах блеснули слезы:

— Старший брат, потерпи немного. Всё, что я делаю, — ради тебя. Дикие Земли слишком опасны. Пока ты рядом со мной, ты в безопасности. Прошу, согласись остаться.

Сюй Синчжи:

— ...

Если бы он не был прикован, глядя на это обиженное личико Мэн Чунгуана, любой решил бы, что это именно его связали лианами.

Сюй Синчжи сохранял последнюю надежду:

— Отпусти меня, я никуда не уйду.

Мэн Чунгуан задумался:

— Старший брат, тебе не нравятся лианы?

Сюй Синчжи кивнул:

— Да.

В лианах заводятся насекомые, а Сюй Синчжи до смерти их боится.

Мэн Чунгуан неохотно ответил:

— Ну ладно.

Вскоре он снова вышел, прикрыв дверь.

Сюй Синчжи в отчаянии откинулся на спинку кровати. Лиана на его левой руке превратилась в прочный золотой браслет-кандалы, выглядевший роскошно и ярко.

Он коснулся кинжала на поясе и тяжело вздохнул.

Похоже, это и называется — потерпеть поражение, не успев начать.

4. Разведка

Пробежав тридцать ли с человеком на спине, Сюй Синчжи действительно устал. Он просто обмотал цепь вокруг руки и лег спать.

С его покалеченной рукой даже палочки держать было трудно, так что об убийстве пока можно было забыть.

После того как Сюй Синчжи уснул, бамбуковая дверь бесшумно отворилась.

Мэн Чунгуан вошел внутрь, уже сменив одежду.

На нем был белоснежный халат с вышитыми узорами облаков и драконов, а на спине — акварельный рисунок тушью. Его волосы были уложены в аккуратный пучок, перехваченный лентой цвета морской волны.

Однако поверх он накинул тот самый халат, испачканный в крови и гари.

Он молча опустился на колени у кровати, взял правую руку Сюй Синчжи, прижал к щеке и смотрел на спящего.

Взгляд Мэн Чунгуана осторожно скользил по его губам, кадыку, вздымающейся груди — он был напряжен, взволнован, напуган, словно смотрел на хрупкую вазу, готовую разбиться в любую секунду.

Неизвестно, сколько он так просидел. Казалось, он не мог поверить, что Сюй Синчжи жив. Его пальцы дрожали, касаясь одежды, а затем он нащупал сердце, чувствуя мощный, уверенный ритм.

Тук-тук, тук-тук.

Мэн Чунгуан улыбнулся, и эта улыбка была полна благодарности. Он прошептал:

— Старший брат, ты вернулся, ты дома...

С этими словами дыхание Мэн Чунгуана стало неровным.

В уголках его глаз проступили капли крови, зрачки, прежде ясные, налились алым, а на висках и лбу проступили пугающие кровавые знаки.

Его пальцы сильно дрожали, ногти начали удлиняться. Видя, что он вот-вот вонзит их в грудь Сюй Синчжи, Мэн Чунгуан из последних сил сдержался, быстро отдернул руку и сжал собственное запястье.

Пять глубоких ран прорезали кожу до костей, и только почувствовав вкус собственной крови, он немного пришел в себя.

Сюй Синчжи дернулся во сне, словно что-то почувствовав.

Мэн Чунгуан не решился больше оставаться. Он запечатал свои энергетические точки, с остатками разума снял верхний халат, накрыл им Сюй Синчжи и вышел.

В дверях он едва не столкнулся с кем-то.

Чжоу Ван нахмурилась:

— Брат Мэн?

Мэн Чунгуан отстранился:

— Что тебе нужно?

Чжоу Ван привыкла к его припадкам и знала, что если он в таком состоянии, то может впасть в ярость, которую утоляет только кровь.

К счастью, даже в безумии Мэн Чунгуан никогда не трогал их, поэтому Чжоу Ван не боялась:

— Я впервые вижу старшего брата Сюя, хочу поговорить с ним.

Мэн Чунгуан, прижимая руку к бешено бьющемуся сердцу, ответил:

— Он спит. Жди снаружи, когда проснется — тогда и поговоришь.

Чжоу Ван поклонилась:

— Слушаюсь.

Проводив взглядом шатающегося Мэн Чунгуана, Чжоу Ван свистнула и, толкнув дверь, вошла.

Сюй Синчжи проснулся от скрипа двери. Когда он сел, халат сполз с его плеч.

Он с детства был мерзляком, а перед сном забыл укрыться, к тому же воротник распахнулся, и теперь его руки и ноги были ледяными.

Он вздрогнул, не успев даже подумать, кто его накрыл, и поспешно закутался в теплый халат.

Чжоу Ван спросила:

— Холодно?

— Немного.

Сюй Синчжи потер ладони и оглядел ее.

Она сняла свои огромные клинки и была одета в простую красную одежду, но даже в таком виде выглядела ярко и привлекательно.

Заметив взгляд Сюй Синчжи, Чжоу Ван усмехнулась:

— Мой дядюшка был прав.

Сюй Синчжи:

— ???

Чжоу Ван скрестила руки на груди:

— Он сказал, что Сюй — человек распутный, без капли стыда, и стоит ему увидеть женщину, как он теряет голову.

Сюй Синчжи:

— ...А что еще он говорил?

Чжоу Ван ответила:

— Сказал, если ты посмеешь ко мне приставать, я могу выколоть тебе глаза.

Сюй Синчжи почувствовал себя несправедливо обвиненным.

Он любил красоту, неважно, худая девушка или полная, он всегда засматривался, но никогда не помышлял о чем-то дурном, особенно в отношении такой малышки, как Чжоу Ван.

Сюй Синчжи пожал плечами:

— Красота в этом мире — сокровище. Сегодняшняя красота не похожа на завтрашнюю, взглянуть лишний раз — доброе дело. Разве это распутство?

Чжоу Ван:

— ...

Не зная, что ответить, она заметила прикованную к кровати руку Сюй Синчжи и злорадно подумала: так тебе и надо.

Сюй Синчжи ничуть не рассердился, взял веер левой рукой и слегка постучал ее по лбу:

— Вот так-то лучше, теперь ты похожа на ребенка. А то ходишь с таким серьезным лицом, как старая дева.

Чжоу Ван опешила, прикрыв лоб рукой.

Она пришла по приказу Чжоу Бэйнаня, чтобы вывести у Сюй Синчжи хоть что-то, но в итоге сама оказалась в дураках.

Сюй Синчжи спросил:

— Тебя зовут Чжоу Ван? Чжоу Бэйнань — твой дядя?

Чжоу Ван нашла этого человека интересным и заинтересовалась сама. Она присела на кровать, как мужчина, подняв ногу, и оперлась на резную спинку:

— Да.

Сюй Синчжи прикинул ее возраст:

— Пришла вместе с дядей?

Чжоу Ван:

— Почти. Уже тринадцать лет прошло.

Если бы рядом были другие, Сюй Синчжи пришлось бы следить за словами, но с этой девочкой он мог расслабиться.

<http://bllate.org/book/22484/2370464>